Киселев Михаил Андреевич

УЧАСТИЕ ПЕНЗЕНЦЕВ В СОПРОТИВЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Данная работа посвящена изучению основных форм сопротивления советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны на примере опыта уроженцев Пензенской области - узников нацистских лагерей. Автор ставит перед собой задачу определения доли участников сопротивления среди всех пензенских военнопленных. Работа основана на ранее не публиковавшихся архивных источниках, хранящихся в "фильтрационном фонде" Государственного архива Пензенской области.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 99-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Андреев А. Ю.** Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.
2. **Аронов Д. В., Садков В. Г.** «Научная и научно-педагогическая школа» – к вопросу о содержании понятия // Образование и общество. 2002. № 3. С. 19-23.
3. **Афонский А. П.** Николай Иванович Пирогов. Его жизнь и педагогическая проповедь. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1911. 88 с.
4. **Германские университеты Фр. Паульсена, профессора Берлинского университета** / пер. с нем. Г. Гроссмана. СПб.: Образование, 1904. 413 с.
5. **Из воспоминаний старого врача А. А. Синицина** // Русская старина, 1912. № 10. С. 93-107.
6. **Императорский С-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования**: историческая записка, составленная по поручению Совета Университета ордин. проф. по кафедре истории Востока В. В. Григорьевым. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. 679 с.
7. **Карнаух Н. В.** Научно-педагогическая деятельность выпускников Профессорского института // Известия Российской Академии Образования. 2013. № 3 (27). С. 49-58.
8. **Пирогов Н. И.** Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть, когда-нибудь прочтет, и кто другой. М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2011. 608 с.
9. **Пирогов Н. И.** Севастопольские письма и воспоминания. М.: АН СССР, 1950. 649 с.
10. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 733. Оп. 56.
11. **РГИА.** Ф. 733. Оп. 155.
12. **Савина Н. Н.** Выдающиеся русские просветители и педагоги о развитии исследовательской деятельности учителя // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-159.
13. **Танклер Х.** Роль воспитанников Тартуского университета в развитии естествознания в Петербургской Академии наук. Таллин: Валгус, 1982. 148 с.

SIGNIFICANCE OF FOREIGN SCIENTIFIC PROBATION IN SYSTEM OF THE RUSSIAN PROFESSORS' TRAINING IN DORPAT

Karnaukh Nadezhda Valentinovna, Ph. D. in Pedagogy, Professor
Blagoveshchensk State Pedagogical University
pedagog31@mail.ru

The article is devoted to the Professorial Institute – a phenomenon of the domestic pedagogics of higher school. The author presents her own definition of "scientific and pedagogical school" corresponding to the historical context of the XIX century. Basing on the analysis of archival sources the author identifies the significant aspects of scientific probation in the European universities of the XIX century as one of the stages in the Russian professors' training. The reflection of the experience of domestic scientific and pedagogical schools formation is aimed at the preservation of scientific traditions.

Key words and phrases: Dorpat Professorial Institute; scientific and pedagogical school; scientific probation; University of Berlin; research activity; seminar; lectures; critical analysis.

УДК 94(470)
Исторические науки и археология

Данная работа посвящена изучению основных форм сопротивления советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны на примере опыта уроженцев Пензенской области – узников нацистских лагерей. Автор ставит перед собой задачу определения доли участников сопротивления среди всех пензенских военнопленных. Работа основана на ранее не публиковавшихся архивных источниках, хранящихся в «фильтрационном фонде» Государственного архива Пензенской области.

Ключевые слова и фразы: военнопленные; партизанский отряд; сопротивление; побег; концентрационный лагерь.

Киселев Михаил Андреевич
Пензенский государственный университет
micha-kiselev@mail.ru

УЧАСТИЕ ПЕНЗЕНЦЕВ В СОПРОТИВЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.©

Можно выделить три основных формы сопротивления советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны: создание подпольных групп; побег; участие военнопленных в партизанском движении.

Подпольные группы военнопленных условно можно разделить на два типа: группы, создаваемые для организации восстания в лагере; группы, рассчитанные на ведение длительной борьбы, которая выражалась в поддержке военнопленных, организации побегов, осуществлении саботажа на предприятиях, ведении антифашистской пропаганды.

© Киселев М. А., 2014

Приведем пример того, что представляла собой подпольная группа в плане организации. В Бухенвальде действовало довольно крупное подпольное объединение военнопленных, сформированное на военной основе. Отдельные подпольные группы существовали в Бухенвальде и в 1941 году, однако единая организация была создана в конце 1942 года. Центр объединения возглавил пограничник, сержант Симаков Н. С. [8]. Была выработана программа действий: «1) систематически вести антифашистскую пропаганду и агитацию среди военнопленных; 2) расширять и укреплять интернациональные связи с политзаключенными различных национальностей; 3) организовывать подрывную деятельность на военных предприятиях, на которых применялся труд советских военнопленных и граждан СССР, насильственно угнанных фашистами в гитлеровскую Германию; 4) готовить вооруженное восстание» [Там же].

Военнопленным Бухенвальда удалось создать по-военному дисциплинированную и отлично законспирированную антифашистскую сеть, которая охватывала своим влиянием не только сам концлагерь, но и его филиалы. Уровень конспирации был настолько высок, что нацистам так и не удалось раскрыть подпольщиков вплоть до восстания 1945 года, закончившегося захватом лагеря.

В книге Е. А. Бродского, посвященной самой известной подпольной организации советских военнопленных – Братскому сотрудничеству военнопленных (БСВ), упоминается некий «агроном из Пензенской области» К. М. Антипов [2, с. 92]. Нам удалось установить, что К. М. Антипов был узником Дахау, принимал участие в БСВ и знал многих его деятелей. Вот что он рассказывал в письме Бродскому: «Нас арестовали в мюнхенской команде “Мауэр унд зоне” и вели через Мариенплац мимо памятника Бисмарку с летящими золотыми ангелами над ним… Нас привели в тюрьму и заперли в подвал, тускло освещѐнный запылѐнными лампочками… В нѐм была громадная топка, приспособленная для сжигания людей. На полу, в шлаке, я увидел обуглившиеся остатки человеческих костей… Закопчѐнные стены были исписаны именами и фамилиями. Мы стали прощаться друг с другом. Мы ждали смерти. У нас не было надежды на освобождение, но как хотелось дожить до конца войны!.. На стене мы написали свои имена. За долгие дни и ночи, проведѐнные в тюремном подземелье, я не раз искал на стенах подвала знакомые фамилии, но все они были написаны не по-русски. И только в одном углу я прочитал: “Если кто-нибудь останется жив, передайте Родине, что мы ей честно служили и честно умерли в фашистской неволе”» [7]. Лидеры подпольных групп были героическими людьми, на свой страх и риск боровшимися с нацистским режимом даже в неволе.

Как видим, военнопленные часто становились лидерами восстаний в концентрационных лагерях. Во-первых, у военнопленных был опыт ведения боевых действий. Во-вторых, военнопленные (в первую очередь, разумеется, офицеры) умели командовать, знали особенности организации воинских подразделений и использовали свои знания в создании подпольных внутрилагерных групп сопротивления. В-третьих, именно военнопленные в большей степени были готовы вести борьбу, нежели гражданские лица.

Другой формой борьбы был побег. В материалах Государственного архива Пензенской области (ГАПО) есть свидетельства того, как военнопленные, пробыв в плену всего несколько суток, совершали побег. К примеру, один из пензенцев сбежал уже на третьи сутки: «…17 октября утром нас выстроили в колонну и повели… в направлении Бруйска (Бобруйск?) в лагерь военнопленных.

В пути следования, проходя через лес 19.X.41, воспользовавшись малым количеством охраны, вышел из колонны в сторону… Когда колонна немного прошла, направился вглубь леса и дальше лесом продолжал движение, вышел на поселок Бутырки, где у населения разузнал куда дальше двигаться…» [3, д. 20777, л. 2].

«Из Бутырки направился на Орел, обошел его правее, вышел на станцию… (название написано неразборчиво), дальше взял направление на Елец, не доходя Ельца, в районе села… (неразборчиво) Орловской обл. 12.XII.1941 перешел один линию фронта и попал в расположение Красной Армии…» [Там же].

«Находясь в с. Бутырке, я у колхозника достал гражданскую одежду, взамен на свою воинскую, переоделся и в таком виде перешел линию фронта» [Там же].

Правда, попытка сойти за «гражданского» удавалась не всегда. В частности, возглавлявший оперативный тыл группы армий «Юг» генерал пехоты Карл фон Рок издал приказ, согласно которому «военнослужащих Красной Армии, которые в гражданской одежде бродят по дорогам боевых действий и прежде всего шатаются в больших городах, необходимо задерживать… С пойманными следует обращаться как с военнопленными… Там, где гражданские лица отрицают свою принадлежность к Красной Армии, с ними следует обращаться как с партизанами» [6, с. 211]. Как справедливо отмечает историк А. Дюков, этот приказ фактически означал, что любой «попавшийся на глаза» немцам мужчина, одетый в гражданскую одежду, должен был быть отправлен в лагерь как военнопленный (если он признает себя военнослужащим Красной Армии) либо уничтожен как партизан.

Указанный нами военнопленный утверждает, что сумел сбежать, воспользовавшись малочисленностью немецкой охраны. Другой военнопленный также рассказывал, что ему удалось совершить побег благодаря тому, что отправленную на работы группу пленных числом в 20 человек, в которую входил и он, охраняли всего два конвоира (!). «В сентябре и августе месяце 1942 года нас послали как обычно на работу, сопровождали нас два немецких конвоира. Всего нас было в тот раз – военнопленных 20 чел. Воспользовавшись сумерками, дело было к вечеру, когда мы шли с работы, мы сговорились и набросились на конвоиров. Одного немецкого конвоира задушили, а второго расконвоировали. Осуществив этот план, мы решили бежать с территории концентрационного лагеря. Из 20 человек нас убежало 15, а 5 человек обратно вернулись в лагерь, не захотели бежать (!). Убежав из концлагеря, я в лесу примкнул к партизанскому отряду, который действовал на территории Бобруйского района, километров в 40 от г. Бобруйска…» [3, д. 3035, л. 3].

В «Памятке об охране советских военнопленных» от 8 сентября 1941 года указывалось: «Даже попавший в плен советский солдат, каким бы безобидным он ни выглядел внешне, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо учитывать то, что военнопленные

получили соответствующие указания о поведении в плену. Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость» [10, с. 161]. Однако, как мы видим, немцы нередко пренебрегали этими предписаниями. Во-первых, немцы считали, что измученные тяжелыми условиями жизни в лагере советские военнопленные физически не могли оказать им сопротивления, а потому в большом количестве охраны не было никакой необходимости. Во-вторых, часто у немцев попросту не было возможности обеспечить лагеря достаточным количеством охранников. Привлекать к охране пленных значительное количество солдат, которые в большей степени нужны были на передовой, было слишком расточительно, а позже, в связи с ухудшением обстановки на Восточном фронте, на счету оказался каждый боеспособный немец. В результате нередко для охраны военнопленных привлекались местные коллаборационисты.

В. Альбов в своей работе, посвященной нижегородским военнопленным, также задается вопросом, почему военнопленные не оказывали массового сопротивления, учитывая, что охраняли их иногда совсем незначительные, в сравнении с численностью пленников, силы. При описании условий жизни в одном из лагерей военнопленных В. Альбов отметил, что лагерь, в котором разместилось сто сорок тысяч человек, охраняла всего одна немецкая рота [1, с. 92]. Это автор объясняет тем, что в плен красноармейцы попадали «психологически надломленными» и не боролись с лагерной охраной по этой причине.

Также вполне возможно, что пленные просто-напросто боялись понести строгое наказание за побег. Возвращенных из побега немцы наказывали достаточно жестко. Их подвергали избиениям, допросам, сажали в карцер, направляли в концлагеря, расстреливали [5]. Один из пленников, уроженец соседней Саратовской области, на допросе рассказал: «Будучи в лагере военнопленных г. Остров я вместе с военнопленным… вторично совершил побег, но на третий день мы были задержаны немецким полицейским и переданы снова в лагерь. По прибытии в лагерь нас привели к коменданту лагеря, который нас избил, а затем по его приказанию нас привязали к столбам. Вечером, когда военнопленные, содержавшиеся в этом лагере, прибыли с работы, нас от столбов отвязали и меня вызвали к коменданту лагеря. В комендатуре кроме самого коменданта находилось еще два немецких офицера и переводчик». У военнопленного интересовались, зачем он и его товарищи совершили побег «и куда намеревались бежать». Пленный ответил, «что совершил побег в связи с тем, что в лагере для военнопленных созданы невыносимые условия…» [3, д. 2212, л. 5].

Другой военнопленный, совершивший неудачный побег, также вспоминал, что после возвращения в лагерь подвергался допросу: «Дойдя до города Рыбники, были задержаны, и меня посадили в карцер, отправив обратно в лагерь. После месячного отбытия в карцере меня направили в штрафной лагерь…» [Там же, д. 10459, л. 4].

«Будучи в плену в карцере в лагере с. Рыбники, подвергался допросу сотрудником гестапо по фамилии… якобы уроженец г. Одессы.

Мой допрос сопровождался на русском языке по вопросам моих установочных данных, партийности, грамотности, моей службе в Советской Армии, кого я знаю из коммунистов, комсомольцев, политработников. Почему, куда, зачем я сбежал из лагеря. При допросе я подвергался избиению, но ничего ему не рассказал. Такие допросы проводились дважды» [Там же].

Один из военнопленных за побег был отправлен в концлагерь: «…мы с К. сделали побег, в побеге я был десять дней, после были пойманы, отправлены концлагерь г. Матхаус (вероятно, Маутхаузен), где был до конца освобождения» [Там же, д. 10541, л. 7].

Нередко военнопленным удавалось сбежать из лагеря либо из-под конвоя, воспользовавшись паникой среди немцев, вызванной быстрым наступлением Красной Армии. Один из пензенцев вспоминал: «6.VIII.1943 года я в числе 30 человек сбежал из-под конвоя, так как в это время немецкая армия под ударами Советской Армии отступала в панике и усиленной охраны не было. В ночь этого же дня в лесу нам встретился разведчик Советской Армии и привел нас в свою часть, где нас накормили и направили в село Бессоновка» [Там же, д. 4161, л. 7]. Другой пленный вырвался из плена в аналогичной ситуации: «Когда мы прибыли в… мы услышали, что русские недалеко, и когда мы расположились в данном хуторе, в это время… прорвались русские танки, у нас получилась паника, немцы стали удирать, а я прыгнул в один из погребов, где и находился дня два, а 18.XII.1942 года был освобожден Красной Армией» [Там же, д. 17418, л. 4].

Итак, как мы видим, побег являлся наиболее распространенной формой сопротивления среди советских военнопленных.

После освобождения военнопленные, не сумевшие добраться до частей Красной Армии или армии союзников, переходили в партизанские отряды и продолжали вести борьбу. В документах мы нашли множество свидетельств партизанского прошлого пензенских военнопленных. Приведем несколько примеров из них. Один из военнопленных вспоминал: «Во время перегона в Германию вместе с товарищем совершил побег и пробрался в лес около Белостока, оказался в партизанском отряде, где пробыл полмесяца. Затем вышел к частям Красной Армии. Оказался в Запасном полку (июнь 1944), а затем в 584 стр. полку 199 стр. дивизии, где служил до мая 1945» [Там же, д. 5640, л. 3].

Другой военнопленный, перейдя после побега в партизанский отряд, позже принял решение оставить его по причине некоторых разногласий с руководством отряда. Позже перешел в партизанский отряд легендарного Ковпака, в котором пробыл до соединения его с частями Красной Армии, т.е. до 1 июля 1944 года [Там же, д. 3035, л. 3]. «Будучи в партизанском отряде у Ковпака, я получил осколочное ранение в левый бок». Позже он был переведен в санбат, а затем его эвакуировали в Барановичи [Там же].

Советские военнопленные, в том числе и пензенцы, внесли неоценимый вклад в движение европейского Сопротивления. Из числа советских военнопленных формировались целые партизанские подразделения. Так, в июле 1943 года в Бельгии в районе города Рошфор был создан партизанский отряд, состоявший из бывших советских пленных [4, с. 168].

В одной из карточек ГАПО упоминается название партизанской бригады «За Родину!», действовавшей на территории Бельгии. Бригада была создана в августе 1943 года на северо-востоке провинции Лимбург. В состав бригады первоначально вошло 250 человек [Там же]. Бригада принимала участие в освобождении Брюсселя совместно с другими бельгийскими партизанскими отрядами. В сентябре 1944 года бригада вместе с «Бельгийской армией партизан» и «Белой бригадой» участвовала в освобождении Антверпена. Партизаны «отрезали гитлеровцам пути к отступлению на многочисленных каналах Антверпена» [Там же, с. 169].

Содержавшаяся в указанной нами карточке информация, посвященная военнопленному, воевавшему в бригаде «За Родину!», довольно своеобразна: «…будучи в плену у немцев на территории Бельгии, совершил побег и присоединился к партизанской бригаде “За Родину!”. Последняя поддерживала связь с армией “Секрет в (АС) (?)”, созданной английскими разведорганами, а также резидентом английской разведки… (фамилия написана неразборчиво)» (карточка № 3219). Видно, что к бригаде советская сторона относилась с некоторой долей недоверия.

Стремление воздерживаться от каких-либо контактов с подпольными антифашистскими организациями было вполне оправданно, поскольку эти организации могли быть созданы немецкими разведывательными органами либо находиться под контролем союзнических разведок.

Бригада «За Родину» была советской партизанской организацией, сформированной на основе уставов Красной Армии [Там же] и состоявшей из советских граждан. Однако советские военнопленные сражались и в различных иностранных партизанских соединениях. Так, один из пензенцев, сбежав из плена, примкнул к греческому партизанскому отряду: «В июле 1944 с группой... из лагеря совершил побег и присоединился к партизанам (отряд “Элос”), где находился до декабря 1944 до издания приказа советской военной миссией в Греции о сборе русских партизан до отправки в Советский Союз» [3, д. 18829, л. 3]. По всей видимости, военнопленный сражался в составе греческого отряда, входившего в состав военной организации «ЭЛАС». Как отмечено в книге «Россия и СССР в локальных войнах и конфликтах», Фронт Сопротивления (ЭАМ), созданный Коммунистической партией Греции, и ЭЛАС, являвшаяся его военной организацией, являлись «наиболее многочисленными и боеспособными организациями национального сопротивления в период оккупации. К 1944 году командующий ЭЛАС генерал С. Сарафис, опираясь на проверенные в боях воинские формирования, был в состоянии в случае приказа взять под контроль территорию всей страны» [9, с. 54-55].

Количество пензенцев, принявших участие в сопротивлении советских военнопленных, было достаточно большим. Из приблизительно 50 просмотренных дел указания на участие в сопротивлении встречаются примерно в 13 случаях, что составляет около 26% от общего количества. Из этих 13 дел указания на продолжение борьбы в составе партизанских отрядов встречаются где-то в 3 (23%).

Таким образом, следует сказать о том, что пензенцы приняли активное участие в сопротивлении советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны. Наиболее распространенной формой сопротивления среди них являлся побег, однако приведенные нами данные свидетельствуют о том, что пензенцы также участвовали в подпольной борьбе и партизанском движении.

Список литературы

1. **Альбов В. Ю.** Советские пленные Второй мировой войны (по архивным материалам Нижегородской области): дисс. … к.и.н. Нижний Новгород, 2004. 235 с.
2. **Бродский Е. А.** Они не пропали без вести: не сломленные фашистской неволей. М.: Мысль, 1987. 461 с.
3. **Государственный архив Пензенской области** (ГАПО). Ф. Р-889. Оп. 2.
4. **Движение Сопротивления в Западной Европе: 1939-1945. Национальные особенности.** М.: Наука, 1991. 223 с.
5. **Дембицкий Н. П.** Судьба пленных [Электронный ресурс] // Скепсис. URL: http://scepsis.net/library/id_1250.html (дата обращения: 30.10.2014).
6. **Дюков А. Р.** За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». М.: Яуза; Эксмо, 2007. 576 с.
7. **Ерж Т. В.** Командир [Электронный ресурс] // Книга памяти Украины. URL: www.memory-book.com.ua/stories/14 (дата обращения: 30.10.2014).
8. **Красноперов В.** Подпольщики Бухенвальда [Электронный ресурс] // Сайт комсомольцев и коммунистов МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Buchenwald.html (дата обращения: 30.10.2014).
9. **Лавренов С. Я.** Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2005. 778 с.
10. **Преступные цели – преступные средства**: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР: 1941-1944 гг. М.: Политиздат, 1968. 383 с.

PARTICIPATION OF PENZA RESIDENTS IN RESISTANCE MOVEMENT OF SOVIET WAR PRISONERS IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Kiselev Mikhail Andreevich
Penza State University
micha-kiselev@mail.ru

The paper is devoted to investigating the basic forms of the resistance of the soviet war prisoners in the years of the Great Patriotic War by the example of the experience of the natives of Penza region – the prisoners of the Nazi camps. The author sets himself a task to identify the proportion of the participants of the resistance among all Penza war prisoners. The paper is based on previously unpublished archival sources, which are stored in the “filtration fund” of the State Archive of Penza region.

Key words and phrases: war prisoners; guerrilla band; resistance; escape; concentration camp.